Ф.П. СЕРГЕЕВ
(Волгоград)

ИЗ ИСТОРИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ИДЕОЛОГИИ И ЯЗЫКА

Освещается проблема взаимоотношения идеологии и языка: язык как объект идеологической борьбы и язык как средство идеологического воздействия на народные массы в досоветское и советское время. Для решения поставленных задач привлекались данные лингвистических исследований, толковых словарей русского языка XIX–XXI вв., материалы периодической печати.

Ключевые слова: *идеология, идеологема, язык, функции идеологии и языка, экспрессия, лозунг, фразеологизм, деактуализация, советизм.*

Рассмотрение данного вопроса предварим кратким толкованием понятий «идеология» и «язык» и их функций. Идеология (*нем.* Ideologie ← *греч.* idea «понятие, представление»+ + logos «учение») рассматривается как «1) система взглядов, представлений, идей какого-либо общества, класса, политической партии, а также 2) совокупность связанных между собой идей, выступающих как основа конкретных действий» [6, с. 220]. Существование идеологии определяется потребностью в защите интересов тех или иных социальных общностей людей [32, с. 187, 195], поэтому ее главной функцией является определение целей и задач больших социальных групп или целых обществ и стимулирование организованных действий для их осуществления [15, с. 23]. Под языком понимается «исторически возникший и развивающийся сложный знаковый механизм (для общения людей. – *Ф.С.*), работающий (в своем речевом воплощении. – *Ф.С.*) в единстве и взаимодействии с сознанием и мышлением человека [9, с. 10]. Язык выполняет три фундаментальные функции: 1) коммуникативную (является средством человеческого общения), 2) познавательную – совместно с мышлением (используется как его опора) и 3) мыслевыражающую (служит орудием выражения мысли).

Язык нейтрален по отношению к идеологии: он может выражать (обслуживать) как прогрессивную, так и реакционную идеологию. Идеология же по отношению к языку не может быть нейтральной: партии, социальные группы используют его в своих интересах. Язык является средством объективизации различных форм идеологии, ее распространения в обществе. От того, какая идеология является господствующей в том или ином государстве, во многом зависит *языковая политика* в этом государстве, которая может быть *демократичной и антидемократичной.* В первом случае государственные органы учитывают как объективно существующую *демографическую мощность* идиомов (языковых образований) – число говорящих на каждом из идиомов в отношении к общему числу населения данного ареала, так и *коммуникативную мощность* идиомов – число коммуникативных сфер, обслуживаемых каждым идиомом в отношении к числу таких сфер. Здесь имеется в виду так называемая коммуникативная языковая сбалансированность; например, в Российской Федерации в каждой республике наряду с общегосударственным русским языком функционируют как государственные языки титульных наций: татарский, башкирский, калмыцкий, языки Дагестана и т.п. Языковая политика может быть *антидемократичной*. Например, на Украине со времени приобретения ею суверенитета государственным в ней был признан и конституционно закреплен только украинский язык, который должен использоваться во всех сферах общественной жизни, что привело к острой борьбе носителей других языков за признание и их языков официально значимыми в социальной сфере общения. Принимая во внимание сложившуюся непростую, довольно напряженную языковую ситуацию в стране, власти Украины были вынуждены пойти на уступки – удовлетворить требования касательно языкового статуса неукраиноязычной части населения. 9 августа 2012 г. президент Украины подписал закон «Об основах государственной политики», который расширяет права не только русского, но и десятка других языков национальных меньшинств этой страны. Теперь эти языки могут офици-

© Сергеев Ф.П., 2012

ально использоваться в тех местностях, где их считают родными не менее 10% проживающего там населения. Однако, несмотря на то, что русский язык получил статус регионального, а не официального* языка, борьба русскоязычного населения в Украине за утверждение этого языка как официального не прекратилась (Комс. правда. 2012. 10 авг.).

В разных сообществах язык использовался и используется и как объект идеологической борьбы, и как орудие (средство) выражения, передачи любой идеологии, как средство идеологической борьбы, идеологического воздействия. История культуры многих народов свидетельствует о том, что язык нередко становится объектом острой идеологической борьбы. Так, на заре славянской письменности Кирилл и Мефодий со своими сподвижниками вели борьбу с немецко-католическим духовенством, которое запрещало богослужение на славянском языке, уничтожало в Моравии славянские книги и тем самым пыталось остановить развитие славянской культуры и письменности. Несмотря на преследования, славянская письменность тайно сохранялась (в 893 г. царь Симеон признал славянский (староболгарский) язык официальным языком болгарской церкви и, собственно, официальным языком государства [1, с. 18; 14, с. 409–410]).

В Италии в XIV–XV вв. развернулась борьба за утверждение в письменности итальянского народно-разговорного языка. Впервые в истории культуры нового времени А. Данте поставил вопрос о народном и литературном языках. Он подчеркивал, что народный язык благороднее латыни, т.к. этот язык «природный», а латынь – «искусственный» («Божественную комедию» Данте написал не на латыни, как это было принято, а на итальянском языке [4, с. 116]). Да и в России на протяжении всей первой половины XVIII в. и ранее преподавание в Академии наук велось не на русском, а на греческом и латинском языках. Лишь в 1747 г. по распоряжению, подписанному императрицей Елизаветой, в утвержденном регламенте Академии наук официальными языками для Академии установлены два – латинский и русский. С 1767 г. началось регулярное чтение лекций на русском языке, хотя часть лекций читалась на латыни. Благодаря покровительству власти русские ученые в конце XVIII в. утвердили родной язык и в науке, и в преподавании [18, с. 26].

Реакционные силы общества начиная с эпохи Средневековья всячески стремились помешать развитию литературных языков на народно-разговорной основе, тем самым удержать свои господствующие позиции в духовной жизни народа и не допустить, чтобы народные массы овладели таким важным орудием борьбы против невежества, мракобесия, как литературный язык. Прогрессивные деятели культуры вели активную борьбу за язык как орудие просвещения народных масс. К примеру, история русского литературного языка – это история борьбы за его естественное развитие на народно-разговорной основе против засорения архаизмами, канцеляризмами, против злоупотребления иностранными элементами, за усовершенствование его словарного состава, грамматического строя, выразительно-изобразительных средств. Ее вели М.В. Ломоносов, В.А. Тредиаковский, А.Н. Сумароков, А.Н. Радищев, декабристы, А.С. Пушкин, В.Г. Белинский, Н. Г. Чернышевский, Н.А. Добролюбов, А.И. Герцен и др.

Из истории русского литературного языка до октябрьского периода (1917 г.) известно немало случаев, когда слова ярко выраженного политического смысла оказывались объектом острой идеологической борьбы. Сторонники передового мировоззрения последовательно отстаивали право на употребление в русском языке таких слов, как *прогресс, революция*, *гражданин, пролетариат, кризис* и т.п., а носители официальной идеологии выступали против использования этих слов. По поводу слова *прогресс* хорошо сказал В.Г. Белинский: «Есть еще особенный род врагов *прогресса*, – это люди, которые тем сильнее чувствуют к этому слову ненависть, чем лучше понимают его смысл и значение. Тут уж ненависть собственно не к слову, а к идее, которую оно выражает, и на невинном слове вымещается досада на его значение [2, с. 768]. В конце 50-х гг. XIX в., как об этом пишет в своем «Дневнике» 31 мая 1858 г. цензор А.В. Никитенко, специальным распоряжением Александра II запрещено употреблять в печати и в официальных бумагах слово *прогресс* [21, с. 324; 22, с. 424].

Тенденция изгонять «крамольные» слова из языка отчетливо проявилась в России в кон-

* *Официальный язык* – это не государственный язык, не конституционно закрепленный, а лишь рабочий язык органов управления, судопроизводства, школы, теле- и радиовещания и т.п. в местах проживания национальных меньшинств; на государственном же языке издаются все государственные акты страны и затем переводятся на русский язык и языки национальных меньшинств.

це XVIII–XIX вв. Павел I в 1797 г. отдал распоряжение, запрещавшее где бы то ни было употреблять слова *революция, отечество* (рекомендовалось *государство*), *общество* (вместо него – *собрание*), *гражданин* (следовало использовать *житель, купец, мещанин*), *граждане* (вместо него – *жители, обыватели*), *караул* (требовалось – *стражи*) и т.д. [3, с. 33; 8, с. 174]. Революционное звучание этих слов пугало ретроградов. Ср. упоминание об этом А.С. Пушкина в «Послании цензору»: *Ужели к тем годам мы снова обратимся, / Когда не смог никто* ***Отечество*** *назвать, / И в рабстве ползали и люди, и печать.*

В письме к царю от 16 декабря 1825 г. декабрист П.Г. Каховский отметил: «Давно ли мы, русские, не смели писать и произнести слово *отечество*. В царствование императора Павла I оно было запрещено, слово *государство* заменяло его, и полковник Тарасов, не ведая запрещения, упомянув в одном письме к императору *отечество*, сидел за то в крепости» (цит. по: [3, с. 33]). Консерватор А.С. Шишков решительно выступал против заимствований, особенно таких, как *республика, революция* и др., и вместе с тем активно возражал против таких калек, как *переворот* (эти слова несли в Россию новые идеи французской революции) [11, с. 214].

В 40–60-х гг. XIX в. велась острая борьба вокруг слов, обозначающих новые политические и отчасти философские понятия. Передовые люди России отстаивали право использовать их в русском литературном языке. Представители же проправительственных кругов, видя за такими словами понятия передовой революционной идеологии, выступали за ограничение сферы употребления этих слов. Так, некий К. Зеленецкий в статье «Об особенностях языка русского и об отношении его к словам западноевропейским», содержащей намеки на В.Г. Белинского, резко возражает против слов *цивилизация, прогресс, мораль, принципы, коллизия, реформа, кризис* [4, с. 32], поскольку, «вводя в русский язык без всякой существенной надобности новые иностранные слова, например, *принцип*, *прогресс*, *доктрина*, *гуманность* и проч.», представители передовой русской общественности якобы «портят язык» [22, с. 176].

Наблюдалась тенденция лишить слово политического содержания, что хорошо просматривается в большинстве словарей иностранных слов, издававшихся в России в 50–60-е гг. XIX в. Их составители, руководствуясь принципами официально-казенной идеологии, согласно которым назначение подобного рода словарей «должно состоять в единственно объяснительном <…> переводе значений иностранных слов, в русском языке употребляемых» [21, с. 250–251], обращали внимание в основном на этимологическую сторону, дословный перевод на русский язык, а не на общественно-политическую характеристику слов-терминов.

Приведем несколько примеров. В «Словотолкователе 30000 иностранных слов, вошедших в словарный состав русского языка», составленном И.Ф. Бурдоном, нет и намека на складывавшееся в то время политическое значение в слове *пролетарий* – ‘лишенный средств производства работник в условиях капиталистической действительности’, а дается его историческое значение: а) в Древнем Риме беднейший из низшего класса, отбывавший повинность свою государству не деньгами, а своими детьми; б) отсюда – нищий, бобыль, бесприютный человек [7, с. 618]. С политическим значением это слово использовалось уже в 40-е гг. XIX в. Например, у В.Г. Белинского (1844 г.): «Французский пролетарий перед законом равен с самым богатым собственником <…> и капиталистом <…>, но беда в том, что от этого равенства пролетарию нисколько не легче. Вечный работник собственника-капиталиста, пролетарий весь в его руках, весь его раб…» [2, т. 2, с. 171–172]. Слово *революция* у Бурдона толкуется как ‘мятеж’. В 1860-е гг. в журналистике недемократического направления синонимом слова *революция* выступала лексема *анархия* [3, с. 39]. То же наблюдалось при толковании и использовании слов *реакция, либерал* [30, с. 103–104].

В связи с этим нельзя не вспомнить высказывание К. Маркса и Ф. Энгельса: «Мысли господствующего класса являются в каждую эпоху господствующими мыслями. Это значит, что тот класс, который представляет собой господствующую *материальную* силу общества, есть в то же время и его господствующая *духовная* сила. Класс, имеющий в своем распоряжении средства материального производства, располагает вместе с тем и средствами духовного производства, и в силу этого мысли тех, у кого нет средств для духовного производства, оказываются в общем подчиненными господствующему классу. <…> Индивиды, составляющие господствующий класс …, господствуют также и как мыслящие, как производители мыслей, они регулируют произ-

водство и распределение мыслей своего времени; а это значит, что их мысли суть господствующие мысли эпохи» [23, т. 3, с. 45– 46].

Вот лишь один факт из истории русского литературного языка. Условия, в которых формировались речевые средства прогрессивной публицистики, были далеко не равноценны тем, в которых развивалась публицистика официально-казенная или либерально буржуазная. Из статей демократического направления (Н.А. Добролюбов, М.Е. Салтыков-Щедрин и др.) цензура устраняла многие слова и выражения, слова-лозунги: *свобода, конституция, убеждение, право, освобождение человеческой личности, снимаются оковы* (о крепостном праве), *свобода слова, гласное выражение идей* и др. [12, с. 185].

Однако и в XX в., пишет Л.К. Граудина (ссылаясь на материалы из работы Н.А. Купиной «Тоталитарный язык» [20]), иллюстрации еще более разительны. Нельзя было говорить и думать, а тем более писать обо всем том, что не устраивало правящий режим. В советский период государством был создан специфический словарь идеологем и разработаны семантические сферы новой русской идеологии [18, с. 27]. *Идеологема* – метаязыковая единица, обозначающая определенную сущность явления сферы идеологии (ср. лингвистические единицы, содержащие элемент *-ема* и обозначающие сущность языкового явления: *фонема, лексема, морфема, синтаксема* и др.); ср. следующее определение этого феномена: под *идеологемой* понимается минимальный отрезок письменного текста или потока речи, предмет или символ, который воспринимается автором, слушателем, читателем как отсылка – прямая или косвенная – к метаязыку или к воображаемому своду мировоззренческих норм и фундаментальных идейных установок, которыми должно руководствоваться общество (см. дефиниции в [10, с. 5; 26, с. 7]).

В проекте энциклопедического словаря-справочника «Культура русской речи» (автор статьи «Язык и идеология» А.Е. Данилин, 1996) подчеркивается значение сознательного воздействия государственной власти на язык. Так, отмечается, что формирование и поддержание особого идеологического языка является эффективным средством пропаганды, позволяющим создать определенную картину социальной действительности. Наличие или отсутствие термина как бы подтверждает наличие или отсутствие обозначаемого им явления (например, *развитой социализм*, *новый класс*). «Каждая идеологема содержит предписанное официальной идеологией и поддерживаемое демагогическими текстами утверждение, суждение» [19, с. 45, 134].

В советское время идеологизации подверглась и ономастика: сейчас трудно найти город, любой населенный пункт в нашей стране, который не испытал на себе топонимической «советизации». Вот лишь один близкий нам факт такого процесса: *Ленинград* (до 1914 г. *Санкт-Петербург*, *Петербург*; в 1914 – 1924 гг. *Петроград*; в 1924 – 2000 гг. – *Ленинград*; в 2000 г. городу было возвращено имя *Санкт-Петербург*); *Сталинград* (до 1925 г. – *Царицын*, до 1961 г. Сталинград; с 1961 г. – Волгоград); названия районов г. Волгограда: *Ворошиловский*, *Советский*, *Краснооктябрьский*, *Красноармейский*, *Кировский*, *Дзержинский* (были *Ленинский*, *Сталинский*); названия улиц и площадей: *улица Ленина*, *проспект В.И. Ленина* (на табличках домов значится «имени В.И. Ленина проспект»), *площадь Ленина*, *улица Советская, площадь Советская, улицы Коммунистическая, Социалистическая, Комсомольская*, *Пионерская, Краснознаменская, Красноармейская, Дзержинская, КИМ* (Коммунистический интернационал молодежи), *имени (П.Л.) Войкова* (один из руководителей борьбы за Советскую власть в Екатеринбурге, в 1918 г. один из участников цареубийства), *Землячки* (*Землячка – Самойлова*, урожденная *Залкинд, Розалия Самойловна* – «в Гражданскую войну возглавляла политотделы 8-й и 12-й армий; была одним из организаторов террора против бывших солдат П.Н. Врангеля и мирного населения» [27, с. 539]; «... принимала участие в уничтожении белых офицеров в Крыму в 1919 г.» [5, с. 393]). Некоторые личные имена (*антропонимы*) также несут на себе эксплицитные и имплицитные идеологизированные надбавки: *Сталина*, *Октябрина, Нинель* (обратное чтение *Ленин*), *Владлен (Владимир Ленин)* и т.п. Правда, сейчас налет «советскости» с них почти стерся и воспринимаются они как обычные, нейтральные онимы, «номенклатурные знаки-этикетки».

Л.К. Граудина отмечает: в соответствии с господствующими идеологическими установками, которые в той или иной мере приходилось отражать и в толковых словарях советской эпохи, были расставлены знаки оценки слов, относящихся к семантическому полю идеологии [18, с. 27]. Идеологическое давление на составителей словарей в советское время было весьма ощутимым. Вот лишь одно из

свидетельств: член-корреспондент Академии наук СССР Д.Н. Ушаков, под редакцией которого вышел 4-томный «Толковый словарь русского языка» (М., 1935–1940), при обсуждении проекта в первоначальном замысле 15-томного «Словаря современного литературного русского языка» сказал следующее: «Далее. Есть очень серьезное соображение насчет религиозных слов. Так вот в рецензии на наш первый том (имеется в виду “Толковый словарь русского языка”. Т. 1. М., 1935. – *Ф.С.*) в “Литературной газете” прямо говорится: “Словарь похабный” и проч. Этому очень скоро поверили, и все на нас косились. Года полтора мы прожили в таком положении, что и не знали, как быть дальше. Сейчас особенно доказывать это как будто не приходится, но все-таки иногда встречаются лица, которые советуют, что число их надо уменьшить. У нас статья на слово *бог* была полтора столбца. “Много!” – говорят. Ну давайте опустим фразеологию. А в *боге*-то фразеология и важна была. Мы ничего не могли сделать и выпустили очень много» [32, с. 259].

Составители словарей 1990-х гг. – начала XXI в. освобождают дефиниции лексики общественно-политической сферы от «идеологических приращений», свойственной этой разновидности лингвистической литературы и неизбежной в изданиях до середины 80-х гг. XX в., отражая тем самым процессы, происходящие в современном русском языке и сознании его носителей. Однако не следует сбрасывать со счетов и тот факт, что господствующая в обществе система взглядов неизбежно (так или иначе) накладывает свой отпечаток на толкования значения слова общественно-политического характера [16, с. 48]. Проиллюстрируем это на примерах из словарей.

В 4-томном «Словаре русского языка» у слова *белый* указано следующее значение: «… 5. В первые годы Советской власти: контрреволюционный, действующий против Советской власти или направленный против нее: *белая армия* ...» [29, т. 1, с. 78]. В «Русском семантическом словаре» (под ред. академика Н.Ю. Шведовой) читаем: «*Белый* <...> В годы гражданской войны: участник белого движения – вооруженной борьбы за восстановление законной власти в России» [28, с. 123]. В «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой (редакция этой статьи Н.Ю. Шведовой): «*Белая гвардия* – в годы гражданской войны: общее название русских военных формирований, боровшихся за восстановление законной власти в России» [25].

В сравниваемых словарях содержатся аналогичные толкования лексемы *белогвардеец*. В «Словаре русского языка» С.И. Ожегова: «*Белогвардеец* – контрреволюционер, враг Советской власти, сражавшийся против нее в рядах белой гвардии» [24, с. 39]. В «Русском семантическом словаре дается: «*Белогвардеец* <…> В годы гражданской войны: член Белой гвардии – русских военных формирований, сражавшихся за восстановление законной власти в России» [28, с. 393]. В настоящее время лексемы б*елый*, *белая гвардия, белогвардеец* являются уже историзмами (в «Большом академическом словаре русского языка» они уже отсутствуют).

Потускнела и ранее свойственная слову *красный* положительная окраска. В «Словаре русского языка» С.И. Ожегова: «*Красный* <…> 2. Относящийся к революционной деятельности, к советскому социалистическому строю …» [24, с. 260]. В «Русском семантическом словаре»: «*Красный* – представитель или сторонник большевиков, коммунистов, их революционной диктатуры …» [28, с. 124]. Слово *красный* употреблялось и до революции 1917 г. в значении ‘левый по политическим убеждениям; революционно настроенный’; затем в значении ‘относящийся к революционной деятельности, революционной, связанной с Советской властью, с Красной Армией’ [29, т. 2, с. 122; 13, с. 85–88].

Сходная судьба у прилагательного *советский*, за которым после революции закрепилась торжественная стилистическая окраска. В «Словаре русского языка» С.И. Ожегова (1953 г.) одно из трех значений дано следующим образом: ‘идеологически выдержанный, преданный интересам и задачам социалистического строительства’ (ср. клишированный оборот: «Я же советский человек!»). В «Толковом словаре русского языка начала XXI века. Актуальная лексика» третье значение представлено несколько иначе: «*Советский* <…> «Неодобрит[ельно]. Характерный для СССР» [31, с. 931]. Это слово стало производящей базой для резко негативной номинации – *совок* (*совковый*); ср. его определение в названном выше толковом словаре: «*Совок.* Разг. Неодобрит. 1. О Советском Союзе, советском строе <…> 2. О чем-либо, свойственном Советскому Союзу, советскому строю <…> 3. О советском человеке» (Там же, с. 931, 932); «*Совковый* <…> 2. Уходящий корнями в официаль-

ную идеологию советского строя, образа жизни (прост., неодобрит.)» [25, с. 741].

Из сопоставительных толкований слов общественно-политической и иной социальной сферы в 4-томном «Словаре русского языка» (1981–1984) [29] и «Толковом словаре русского языка начала XXI века» видно, что в первом содержатся идеологизированные компоненты (семы, доли, идеологические надбавки) в значениях слов, в словарях же 1990-х гг. – начала XXI в. они уже сняты. Приведем примеры.

Буржуазия – «… Господствующий класс капиталистического общества, владеющий средствами производства и эксплуатирующий наемный труд» (Там же); «… Слой состоятельных людей (о предпринимателях, финансовых олигархах и т.п.)» [31].

Капитализм – «… Общественно-экономическая формация, основанная на частной собственности на средства производства и эксплуатации наемного труда капиталом» [29]; «2. Общественный строй с высоким уровнем производства, гражданским обществом, развитым рынком и частной формой присвоения общественного продукта, прибыли» [31].

Бизнес – «… Разг. Деловое предприятие, ловкая афера и т.п. как источник личного обогащения, наживы» [29]; «1. *Коммерц*. Предпринимательская деятельность, связанная с коммерцией, производством и реализацией товаров, оказанием услуг населению и т.п. 2. Собир. Предпринимательские структуры; бизнесмены» [31].

Библия – «… Книга, содержащая мифы и догматы еврейской и христианской религии» [29]; «… Религ. Собрание книг Священного Писания христианства, состоящее из Ветхого и Нового Завета; Священное писание» [31].

Коран – «… Книга, содержащая изложение догм и положений мусульманской религии, мусульманских мифов и правовых норм» [29]; «… Рел. Священная книга ислама, содержащая изложение догматов мусульманской религии» [31].

С 1990-х гг. в связи со сменой общественно-политической и экономической системы в России происходил процесс деактуализации лозунгов, фразеологизмов, клишированных словосочетаний в современной русской речи (некоторые из них воспринимаются теперь с пейоративной окраской): *Пролетарии всех стран, соединяйтесь!; Слава КПСС!, ум, честь и совесть нашей эпохи; Призрак бродит по Европе, призрак коммунизма; …Труд – дело чести, доблести и геройства; руководящая и направляющая; сила класса, мозг класса, совесть класса – вот что такое партия; вождь мирового пролетариата; отец народов; лагерь социализма; строители коммунизма; светлое будущее; социализм с человеческим лицом; дело живет и побеждает; идея овладевает массами; счастливое детство* и др. [17].

Как показал рассмотренный материал, в истории сменявшихся социально-экономических формаций язык являлся не только объектом острой идеологической борьбы, но и одним из главных средств распространения идеологии в обществе, идеологического воздействия на сознание народных масс, их стимулирование организованных действий для осуществления целей и задач определенной идеологии.

Литература

1. Александров Емил. Документы дипломатической практики Первого болгарского государства // Palaeobulgarika-Старобългаристика. 1988. Т. XXII. №3.
2. Белинский В.Г. Собрание сочинений : в 3 т. М., 1948.
3. Бельчиков Ю.А. Интернациональная терминология в русском языке. М., 1959.
4. Березин Ф.М. История лингвистических учений. М., 1984.
5. Большой энциклопедический словарь. М., 2005.
6. Булыко А.Н. Большой словарь иностранных слов. М., 2006.
7. Бурдон И.Ф. Словотолкователь 30000 иностранных слов, вошедших в состав русского языка. М., 1866.
8. Веселитский В.В. Отвлеченная лексика в современном русском литературном языке. М., 1972.
9. Головин Б.Н. Введение в языкознание. 4-е изд. М., 1983.
10. Гусейнов Г.Ч. Материал к Русскому словарю общественно-политического языка XX века. М., 2003.
11. Ефимов А.И. История русского литературного языка. М., 1957.
12. Ефимов А.И. История русского литературного языка. М., 1971.
13. Зеленин А.В. Белые и красные // Рус. яз. в шк. 1999. № 4.
14. Истрин В.А. Возникновение и развитие письма. М., 1965.
15. Келле В.Ж. Познавательные и идеологические функции социологии // Социология и идеология. М., 1969.
16. Клушина Н.И. Как некоторые слова «ухудшают» свои значения // Рус. речь. 1998. № 3.

17. Кочетков В.В., Шапошников В.Н. Заметки о современных клише и ходячих выражениях // Рус. речь. 1998. № 6.

18. Культура русской речи. М., 1998.

19. Купина Н.А. Идеологическое состояние лексики русского языка // Русское слово в языке, тексте и культурной среде. Екатеринбург, 1997.

20. Купина Н.А. Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции. Екатеринбург–Пермь : Урал. гос. ун-т, 1995.

21. Лемке М. Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX в. Спб.,1904.

22. Лемке М. Николаевские жандармы и русская литература 1826–1885. Спб., 1909.

23. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М., 1955.

24. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1986.

25. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд. М., 2007.

26. Пихурова А.А. Судьба советизмов в русском языке конца XX–начала XXI века (на материале словарей и текстов) : автореф. дис. … канд. филол. наук. Саратов, 2006.

27. Российский энциклопедический словарь. М., 2001.

28. Русский семантический словарь / под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 2000.

29. Словарь русского языка. 2-е изд. / гл. ред. А.П. Евгеньева. М., 1981–1984.

30. Сорокин Ю.С. Развитие словарного состава русского литературного языка. 30–90-е годы XIX века. М., 1965.

31. Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / под ред. Г.Н. Скляревской. М., 2008.

32. Уледов А.К. Структура общественного сознания: теоретико-социологическое исследование. М., 1968.

From the history of interrelations between ideology and language

There is covered the issue of interrelations between ideology and language: language as the object of ideological struggle and language as the means of ideological influence on the mass in the pre-Soviet and the Soviet period. There is used the information from linguistic research, explanatory dictionaries of the Russian language of the XIX-XXI centuries, the materials from periodicals.

Key words: *ideology, ideological unit, language, functions of ideology and language, expression, slogan, phraseological unit, deactualization, Sovietism.*

Н.Б. КАРДАНОВА
(Москва)

ПАЛЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОФОРМЛЕНИЕ ЦАРСКИХ ПОСЛАНИЙ К ДОЖАМ ВЕНЕЦИИ

На материале грамот царей Алексея Михайловича, Иоанна и Петра Алексеевичей и Петра I проведен анализ палеографического оформления царских посланий, отправленных к дожам Венеции в XVII в.

Ключевые слова: *дипломатическая переписка, Россия, Венеция, грамота, палеография.*

Царские грамоты, отправляемые за границу (в частности в Венецию), составлялись и оформлялись в соответствии с неким представлением о том, как должен выглядеть внешнеполитический документ. Среди документов Посольского приказа не сохранилось каких-либо распоряжений или напоминаний о том, как составлялись и оформлялись царские грамоты европейским государям. Мы имеем дело с некой традицией, однако неизвестно, была она кем-то установлена и принята или же постепенно сложилась в Посольском приказе, служащие которого были известны как профессиональные оформители изданий различного содержания [2, с. 149–243].

В настоящей статье рассматривается совокупность признаков, отличающая царское послание иностранному адресату от документов других жанров. Под оформлением текста понимается как фиксированное расположение некоторых его частей (формуляр), так и собственно палеографические характеристики, а также особенности речевого этикета. Такой подход обусловлен тесным взаимодействием этих трех аспектов.

Палеография текста царского послания иностранному государю, существовавшего исключительно в виде рукописи (а именно в такой форме царская грамота существовала на протяжении веков — печатная шапка появилась лишь в XIX в. в грамотах Александра III), не только представляет интерес для истории языка (в том числе и истории пунктуации), но и непременно должна быть учтена при анализе содержания, структуры и стиля грамот русских царей, в частности к дожам Венеции.

Палеографические характеристики царских грамот включают описание типа бумаги, размера листа, использование декоративных

© Карданова Н.Б., 2012